

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I

Эпоха господства кровавой мести.

	Стр.
Кровавая месть и смертная казнь	1
Кровавая месть, какъ проявленіе животнаго инстинкта.	3
Местъ, какъ право и обязанность	8
Кто мстиль и кому?	20
За что мстили?	28
Какъ мстили?	35
Общая характеристика эпохи кровавой мести	48

Часть II.

Вымираніе кровавой мести.

Обычай кровавой мести и условія жизни.	55
Ограниченіе кровавой мести по роду обидъ.	63
Ограниченіе кровазой мести по лицамъ	65
Ограниченіе кровавой мести во времени	66
Ограниченіе кровавой мести въ пространствѣ	68
Случаи прекращенія кровавой мести	72
Кровавая месть и денежные выкупы	77
Кровавая месть и законодательство.	84
Кровавая месть и судъ	87
Позднѣйшія переживанія кровавой мести.	94

Часть III.

Возрожденіе кровавой мести.

Государство—монополистъ принужденія. Моменты возрожденія кровавой мести въ исторіи западно-европейскихъ народовъ .	103
Идея возмездія въ исторіи русскаго права .	121
Моменты возрожденія кровавой мести въ исторіи Западной Россіи. Своеволіе шляхты. Казацкія возстанія. Гайдямачина. . .	130
Моменты возрожденія кровавой мести въ восточной Россіи. Опричнина. Смутное время. Розиновщина. Пугачевщина.	143
Смертная казнь по русскому праву	169

Часть I,

Эпоха господства кровавой мести.

Кровавая месть и смертная казнь.

Въ древности не было смертной казни въ современномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ наказанія, налагаемаго по волѣ государства. Была месть, т. е. возмездіе, совершаемое руками частнаго лица, — потерпѣвшаго. Местъ выражалась въ формѣ разнообразныхъ посягательствъ на обидчика, въ частности, въ формѣ лишенія его жизни. Последняя форма мести, кровавая месть, и есть прообразъ смертной казни.

Такое мнѣніе высказано было авторомъ „Исслѣдованія о смертной казни“ проф. Кистяковскимъ. „Въ исторіи смертной казни, говоритъ онъ, періодъ кровавой мести имѣетъ капитальное значеніе, какъ источникъ смертной казни въ періодъ государственныхъ наказаній и какъ время максимума этой казни“ *).

Это заключеніе, сдѣланное проф. Кистяковскимъ на основаніи тщательнаго изученія массы матеріаловъ, относящихся къ исторіи различныхъ народовъ, имѣетъ общее значеніе; въ частности, оно вполне примѣнимо и къ исторіи русскаго права. Къ сожалѣнію, оно не нашло признанія въ русской историко-юридической литературѣ.

Кажется, только профессоръ Таганцевъ видитъ связь между смертной казнью и кровавой мстью. Въ „Лекціяхъ по русскому уголовному праву“ онъ говоритъ, что смертная казнь, какъ видъ общественной расправы съ преступниками, явилась раньше перваго законодательнаго упоминанія о ней: „это вытекало изъ института частной и родовой мести, выдвигавшаго начало отплаты кровью за кровь, смертью за смерть“ **).

Другіе изслѣдователи исторіи русскаго права игнорируютъ эту несомнѣнную связь между смертной казнью и кровавой мстью.

*) Исслѣдованіе о смертной казни. Кіевъ, 1867, стр. 76.

**) Лекціи по рус. угол. пр., С.П.Б. 1892, вып. IV, стр. 1234.—1235.

Проф. Загоскинъ свой „Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи“ начинаетъ съ института кровавой мести. Можно ожидать, что онъ укажетъ, какъ изъ кровавой мести образовалась смертная казнь. Но оказывается совершенно иное: проф. Загоскинъ полагаетъ, что кровавая месть отмѣнена была въ Россіи законодательнымъ путемъ въ началѣ второй половины XI вѣка, а смертная казнь возникла „на почвѣ византійскаго вліянія“. Для чего же въ такомъ случаѣ въ „очеркѣ исторіи смертной казни“ касаться вопроса о кровавой мести? Профессоръ Загоскинъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „если мы останавливались съ нѣкоторою подробностью на вопросѣ о кровавой мести, то это было сдѣлано въ видахъ отграниченія ея отъ понятія смертной казни, съ которымъ она легко можетъ быть смѣшана“. Далѣе указывается различіе между этими институтами *).

Крупнѣйшій авторитетъ русской историко-юридической науки проф. Владимірскій-Будановъ излагаетъ исторію смертной казни въ Россіи въ связи съ институтомъ кровавой мести. Онъ приводитъ фактическія указанія на примѣненіе въ древней Россіи смертной казни (какъ наказанія по приговору суда) и, затѣмъ, высказываетъ то мнѣніе, что смертная казнь противорѣчила національнымъ воззрѣніямъ русскихъ и что послѣдующее чрезвычайное развитіе ея можетъ быть изъяснено лишь вѣнскими вліяніями, прежде и болѣе всего византійскаго права, а потомъ татарскихъ обычаевъ **).

Другой извѣстный русскій историкъ-юристъ проф. Сергѣевичъ тоже отдѣляетъ смертную казнь отъ кровавой мести. По его мнѣнію, „съ принятіемъ христіанства начинаетъ проникать къ намъ иноземное право, а вмѣстѣ съ нимъ и новая система наказаній, а именно: смертная казнь, тѣлесныя наказанія, болѣзненныя и членовредительныя“ ***).

Итакъ, по мнѣнію названныхъ изслѣдователей, смертная казнь — институтъ sui generis, онъ не имѣетъ связи съ институтомъ кровавой мести. Затѣмъ, по одному мнѣнію (пр. Загоскина и пр. Сергѣевича), и возникновеніемъ своимъ онъ обязанъ иностранному вліянію. По другому мнѣнію (проф. Владимірскаго-Буданова) до-

*) Очеркъ ист. смер. казни въ Россіи. Казань, 1892, стр. 12—19.

**) Обзоръ ист. русск. права. Изд. 4, стр. 339—340.

***). Лескин и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Изд., стр. 391.

слѣдующее чрезмѣрное развитіе его есть результатъ иностраннаго вліянія.

Съ такими мнѣніями невозможно согласиться. Мы полагаемъ, что смертная казнь—институтъ общечеловѣческій, а не заимствованный однимъ народомъ у другого; что этотъ институтъ находится въ генетической связи съ институтомъ кровавой мести; что одна главная существенная черта объединяетъ ихъ: и смертная казнь и месть есть убійство за преступленіе,—одно совершается по волѣ государства, другое по волѣ частнаго лица; постепенно убійство по волѣ частнаго лица смѣняется убійствомъ по волѣ государства; что смѣна воли частнаго лица волей государства влечетъ за собою уменьшеніе числа убійствъ за преступленіе и смягченіе жестокости ихъ; что, слѣдовательно, о послѣдующемъ чрезмѣрномъ развитіи казней не можетъ быть рѣчи: чрезмѣрное развитіе относится къ эпохѣ кровавой мести, относительное же усиленіе въ позднѣйшую эпоху имѣетъ временное значеніе и замѣчается тогда, когда возрождаются временно традиции древнѣйшей эпохи. Нашъ настоящій трудъ имѣетъ цѣлью доказать эти положенія.

Кровавая месть, какъ проявленіе животнаго инстинкта.

И животнымъ свойственно чувство злобы и ненависти къ врагу. И животныя мстятъ за обиду. Въ „Жизни животныхъ“ Брэма *) сообщаются многочисленные факты, подтверждающіе это положеніе. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

Горилла мгновенно бросается на охотника, который выстрѣлилъ и промахнулся. Однимъ ударомъ своей огромной руки съ большими ногтями онъ разбиваетъ грудь охотника, раздробляетъ черепъ (I, 18).

Если охотникъ убилъ одну обезьяну изъ стада шимпанзе, самцы идутъ на него, и онъ погибаетъ, если число нападающихъ велико (I, 24).

Орланъ бросился на одну обезьяну, схватилъ ее и хотѣлъ унести, чтобы въ сторонкѣ съѣсть. Но разбой не удался. Обезьяна ухватила всѣми четырьмя руками за вѣтку и при этомъ верещала благимъ матомъ. Все стадо тотчасъ возмутилось и въ одно мгновеніе ока десять сильныхъ обезьянъ окружили орлана.

*) А. Бремъ. Жизнь животныхъ. С.П.Б. 1866—1869. I—IV

Съ неистовыми гримасами и отчаянными криками они бросились на него и со всѣхъ сторонъ схватили его (I, 55).

Чтобы разсердить мандрила достаточно одного взгляда, одного громкаго слова, одной угрозы, и тогда онъ приходитъ въ такое волненіе, что забываетъ все, и, не помня себя, какъ безумный, бросается на врага... Говорятъ, что онъ дольше всѣхъ павіановъ помнитъ обиду и даже, что онъ никогда не прощаетъ врагу (I, 89)

Одинъ охотникъ былъ разорванъ самцомъ ягуаромъ, выскочившимъ изъ кустовъ въ ту минуту, когда охотникъ застрѣлил самку на опушкѣ лѣса (I, 250).

Если охотникъ промахнется или только опасно ранить ягуара, то тотъ нападаетъ на него. Съ быстротою молніи спускается онъ съ дерева и съ ревомъ бросается на стрѣлка (I, 253).

Леопардъ хитеръ, лукавъ, коваренъ, золъ и дикъ; кромѣ того онъ свирѣпъ, хищенъ, кровожаденъ и мстителенъ. Подстрѣленный онъ съ бѣшенствомъ бросается на своего противника (1,266,269).

Подстрѣленная дикая кошка съ яростью и фырканьемъ вскакиваетъ, сильно выгибаетъ спину, поднимаетъ хвостъ и съ шипѣніемъ приближается къ охотнику; тутъ она бѣшено становится въ наступательное положеніе и бросается на человѣка; она глубоко запускаетъ въ тѣло свои острые когти, особенно въ грудь, такъ, что ее почти невозможно отцѣпить (I, 284).

Меделянскія собаки долго терпятъ, когда ихъ дразнятъ, но если имъ надоѣдаютъ черезъ мѣру, то безъ всякихъ предосторожностей, въ видѣ ворчанія или лая, а также безъ всякихъ хитростей и уловокъ, онѣ прямо бросаются на противника и схватываютъ его зубами (I, 368).

Когда медвѣдь раненъ не очень опасно, онъ тотчасъ же поднимается на заднія лапы и идетъ, переваливаясь, къ тому мѣсту, откуда раздался выстрѣлъ. Если и второй выстрѣлъ неудаченъ, то охотнику ничего не остается, кромѣ рукопашной борьбы на жизнь и смерть. Медвѣдь не оставитъ ни за что поля битвы; живой или мертвый онъ останется на мѣстѣ (I, 612).

Извѣстны безчисленные примѣры несчастныхъ охотъ на бѣлаго медвѣдя, и не разъ раненый и вслѣдствіе того разъяренный медвѣдь выхватывалъ одного изъ своихъ гонителей изъ среды другихъ и преспокойно уносилъ съ собой. Такъ, однажды капитанъ корабля, гнавшійся за медвѣдемъ въ лодкѣ, гдѣ сидѣ-

ло много народу, былъ сташенъ за бортъ тяжело раненнымъ медвѣдемъ въ то самое мгновеніе, какъ хотѣлъ въ третій разъ вытащить копье изъ его груди. Только дружными усиліями всего экипажа лодки удалось спасти капитана... Обыкновенно не такъ-то легко прогнать раненнаго медвѣдя; напротивъ, онъ съ безпримѣрною рѣшимостью идетъ на враговъ, чтобы отомстить за обиду какъ можно больнѣе. Экипажъ китоловнаго судна выстрѣлилъ съ лодки по бѣлому медвѣдю, стоявшему на плывущей льдинѣ. Одна изъ пуль попала въ звѣря и привела его въ бѣшенство. Онъ опрометью побѣждалъ по направленію выстрѣла, бросился въ воду, подплылъ къ самой лодкѣ съ намѣреніемъ перелѣзть за бортъ. Ему топоромъ отрубили лапу и старались спастись отъ него, гребя изо всѣхъ силъ къ караблю. Но медвѣдь не отступалъ и, не обращая вниманія на крики и шумъ матросовъ, гнался за ними до самаго корабля. Тутъ, не смотря на свою раненую ногу, онъ взобрался на палубу, гдѣ собравшійся экипажъ, наконецъ, съ нимъ покончилъ (І, 645).

Буйволы чрезвычайно опасныя животныя. Если испугать ихъ какимъ нибудь предметомъ краснаго цвѣта, выстрѣломъ или преслѣдованіемъ, нельзя поручиться за свою жизнь. Тутъ буйволы начинаютъ страшно ревѣть и бить ногами землю, ничего не щадятъ и ничего уже не боятся, будь передъ ними хоть цѣлая толпа вооруженныхъ людей. Въ ярости они перепрыгиваютъ черезъ воду, огонь и всякое препятствіе, лежащее имъ на пути. Однажды буйволъ бросился въ море за молодымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ красную куртку. Но юноша былъ ловкій пловецъ и хорошо нырялъ; быкъ потерялъ его, наконецъ, изъ виду. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ плыть поперекъ гавани цѣлыхъ 1½ часа, пока его не убили пушечнымъ выстрѣломъ изъ корабля (ІІ, 630).

Одицъ охотникъ разъ на оходѣ за буйволами ранилъ быка и намѣревался добить его новымъ выстрѣломъ, какъ тотъ жалобно зарычалъ. Этотъ крикъ имѣлъ характеръ зова и онъ былъ понятъ стадомъ, къ которому принадлежалъ раненный. Мгновенно всѣ буйволы остановили бѣгство и пошли выручать товарища. Охотникъ бросилъ ружье и стремглавъ побѣждалъ къ парѣ деревьевъ, вѣтви которыхъ на его счастье спускались довольно низко. Онъ былъ уже въ безопасности, когда подоспѣла разъяренная толпа и окружила дерево. Увидавъ, что предметъ ихъ мести недостижимъ, буйволы вскорѣ ушли (ІІ, 632).

Тигръ бросился на человѣка, ѣхавшаго послѣднимъ въ караванъ буйволовъ. Пастухъ, пасшій по близости стадо этихъ животныхъ, побѣжалъ на помощь къ человѣку и ранилъ тигра своимъ мечемъ. Звѣрь тотчасъ же бросилъ первую жертву и схватилъ пастуха. Но буйволы, увидавъ своего хозяина въ бѣдѣ, мгновенно все покинулись на тигра, стали перебрасывать его съ роговъ на рога точно мячикъ и изувѣчили до того, что тигръ тутъ же умеръ (II, 634).

Визонъ, разъ выведенный изъ себя, забываетъ все на свѣтѣ и становится храбрымъ, злымъ и мстительнымъ (II, 655).

Есть много рассказовъ о мстительности быковъ. Хорошаго быка не слѣдуетъ никогда бить; онъ ни въ какомъ случаѣ не забываетъ обиды и рано или поздно жестоко отомститъ пастуху (II, 674).

Случается, что выведенные изъ себя слоны бросаются на охотниковъ и нѣкоторые изъ послѣднихъ находили смерть подъ ногами лѣснаго исполина. Правда, злоба ихъ обыкновенно очень скоро проходитъ. Впрочемъ, рассказываютъ, что былъ такой случай: раненный слонъ-рогачъ однажды преслѣдовалъ индуса; тотъ успѣлъ добѣжать до города, но разъяренный слонъ догналъ его на рынкѣ и раздавилъ подъ ногами (II, 703).

Вообще кабаны добродушны. Даже самый сильный не трогаетъ человѣка, если не раздраженъ. Но все кабаны, безъ исключенія, и преимущественно самцы, не выносятъ ни малѣйшаго оскорбленія, или даже дразненія. Если человѣкъ идетъ покойно, они не обращаютъ на него вниманія или быстро убѣгаютъ; но если онъ ихъ разозлитъ, бросаются безъ оглядки на безоружнаго и вооруженнаго и дерутся съ слѣпой яростью (II, 735).

Раненный носорогъ бросился на путешественника и даже повалилъ, но къ счастью не задѣлъ рогомъ, а только отбросилъ на порядочное разстояніе своими задними ногами и поскакалъ дальше. Но, не успѣвъ пробѣжать и нѣсколькихъ шаговъ, онъ снова вернулся и опять набросился на несчастнаго путешественника, которому на этотъ разъ нанесъ сильную рану въ бедро. Этимъ, къ счастью, удовлетворилась его месть; онъ скрылся въ сосѣдную чащу (II, 768).

Бегемотъ мстителенъ и довольно долго помнитъ нанесенную ему обиду. Лодка одного путешественника была однажды на половину поднята самкой бегемота, дѣтеныша которой за день пе-